

Мониторинг актуальных событий в области международной торговли

№ 28

25 апреля 2019 года

ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

АТЭС
Российский центр
исследований АТЭС

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ

Налогообложение цифровых услуг осуществляется преимущественно в форме косвенных налогов на потребление — налога на добавленную стоимость и налога с продажи цифровых услуг. Помимо этого, на международном уровне обсуждается вопрос налогообложения дохода цифровых компаний вне зависимости от их «физического присутствия» в стране предоставления услуг. Пока не было выработано единого подхода к данному вопросу на многосторонней основе, **отдельные страны ЕС предпринимают меры по введению налога на цифровые услуги** в рамках национального законодательства.

30 марта 2019 г. **USTR выпустило очередной обзор торговых барьеров для американских компаний на рынках зарубежных стран**. Несмотря на небольшой удельный вес России в торговле США, барьерам для американских компаний на российском рынке уделяется значительное внимание. Однако при детальном рассмотрении выявленных USTR барьеров, возникает ряд сомнений относительно обоснованности предъявляемых обвинений.

15 апреля **Совет ЕС утвердил поправки к Газовой Директиве**, которые, в частности, касаются Северного потока-2. Поправки призваны ограничить внешнюю монополию на газовом рынке ЕС, обязать исполнение энергетических норм ЕС и привести к снижению цен на электроэнергию для потребителей. **Они не мешают строительству газопровода, но могут увеличить срок его окупаемости**.

За последние два года **система мониторинга Global Trade Alert зафиксировала рост числа протекционистских мер ограничительного характера** (в 2017 г. — на 17,6%, в 2018 г. — на 12,1%) при одновременном сокращении мер, полезных с точки зрения либерализации торговли. **Россия входит в число стран-лидеров по количеству интервенций со стороны государства в отношении экспортно-импортных операций**.

I. Налогообложение цифровых услуг

Тенденцией последних лет является стремление органов власти перейти от взимания налогов по месту нахождения компаний¹ к налогообложению на основе места нахождения покупателя товара или услуги. Это особенно актуально для цифровых компаний, которые могут предоставлять услуги в любой стране мира без необходимости физического присутствия в ней.

Налогообложение цифровых услуг осуществляется преимущественно в форме косвенных налогов на потребление – налога на добавленную стоимость (НДС) либо налога с продажи цифровых услуг.

НДС на цифровые услуги широко распространен как в развитых, так и в развивающихся странах. Налог на добавленную стоимость значительно варьируется по странам: от 5% на Тайване и в странах Персидского залива (ОАЭ, Бахрейне, Саудовской Аравии) до 20% в Беларуси и России, 22,5% в Исландии и 25% в Норвегии. В странах ЕС взимаются различные ставки НДС – по месту нахождения покупателя. В некоторых странах (например, Южной Африке, Японии, Австралии, Новой Зеландии) существует порог для регистрации в налоговой службе для оплаты НДС – определенный стоимостной объем продаж цифровых услуг. В других странах такого порогового значения нет – НДС должны платить все.

В США и Японии вместо НДС действует налог с продажи цифровых услуг. В Японии действует фиксированная ставка в 8%. В США налог с продажи ПО и цифровой продукции **взимается** лишь в 27 штатах из 50 (ставка составляет от 1 до 7% в зависимости от штата и цифрового товара). При этом, в отличие от применяемого в других странах налога на добавленную стоимость, обязательства по уплате данного налога возникают только в случае «физического присутствия» компании в данном штате.

Помимо налогообложения потребления цифровых услуг, на международном уровне давно обсуждается вопрос налогообложения дохода цифровых компаний в стране предоставления услуг. Так, к примеру, страны ОЭСР **планируют** выработать многостороннее решение по цифровому налогообложению к 2020 г.

Европейская комиссия в марте 2018 г. предложила ввести на уровне ЕС 2 цифровых налога:

— **Налог на цифровые услуги (DST)** – налог на доходы компаний, поступающие от онлайн-рекламы и платежей за онлайн-посреднические услуги (в т.ч. торговых площадок и социальных сетей), а также продажи персональных данных в странах – членах ЕС. Налог должен составить 3% и взиматься с компаний с мировым оборотом от цифровой деятельности, превышающим €750 млн либо оборотом в ЕС от €50 млн за финансовый год.

— **Налог на цифровую прибыль** – налог на корпоративную прибыль от цифровой деятельности, полученную в странах-членах ЕС. Налог должен взиматься в случае «значительного цифрового присутствия» компании в стране, определяемого любым из трех пороговых значений: прибыль от цифровых услуг за налоговый период превышает €7 млн, число пользователей в стране превышает 100 тысяч, либо число контрактов на цифровые услуги превышает 3000.

При этом DST рассматривается как временная мера – **предполагается**, что он прекратит свое действие, когда станет широко применяться налог на цифровую прибыль.

Среди стран-членов ЕС пока **нет единого мнения** о введении цифровых налогов. К примеру, **против** введения таких налогов выступают страны с более низкими налоговыми ставками, в которых расположены штаб-квартиры крупных американских технологических компаний – такие как Люксембург и Ирландия.

В то же время отдельные страны-члены ЕС предпринимают односторонние меры по введению налога на цифровые услуги в рамках национального законодательства. Варианты предлагаемого отдельными странами налога варьируются по масштабу налогооблагаемой базы, налоговой ставке и пороговым значениям оборота компании для применения налога (см. таблицу ниже).

Франция может стать первой страной, где будет введен налог на цифровые услуги. Согласно законопроекту, налог будет иметь обратную силу и станет взиматься с генерируемых в стране с 1 января 2019 г. доходов. Законопроект **был утвержден** 9 апреля 2019 г. нижней палатой парламента (Национальной ассамблеей) и будет рассматриваться в верхней палате (Сенате) в мае.

В Испании Парламентом **отклонил** аналогичный законопроект в феврале 2019 г. – но в случае его принятия в будущем также может иметь обратную силу и взиматься с 1 января 2019 г. В отличие от европейского законопроекта, испанский предусматривает введение **постоянного** налога на цифровые услуги.

¹ Согласно действующим принципам налогообложения, налог на доходы компаний взимается в случае «физического присутствия» компании в стране – т.е. наличия в ней представительства компании либо ее производственных мощностей.

Проекты налога на цифровые услуги в ЕС

	Пороговое значение оборота компании для применения налога		Размер налога	Деятельность, доходы с которой подлежат налогообложению		
	Мировая выручка за год	Выручка в стране за год		Онлайн-реклама	Посреднические услуги цифровых платформ	(Пере)продажа персональных данных
Франция	€750 млн	€25 млн	3%	+	+	+
Испания	€750 млн	€3 млн	3%	+	+	+
Италия	€750 млн	€5,5 млн	3%	+	+	+
Великобритания	£500 млн	£25 млн	2%	+	+	-
Австрия	€750 млн	€25 млн	5%	+	-	-
ЕС	€750 млн	€50 млн*	3%	+	+	+

*в ЕС

Источник: составлено авторами.

В Италии в случае утверждения соответствующего закона в конце апреля 2019 г., цифровой налог (Web Tax) **может начать взиматься** уже в июне 2019 г. (через 60 дней после официальной публикации). Великобритания **планирует** начать взимать налог на цифровые услуги в апреле 2020 г. Австрия **рассматривает возможность** введения налога на рекламу в интернете (Digital Advertising Tax).

В текущем виде возможность введения дополнительных цифровых налогов в ЕС вызывает обеспокоенность у **экспертов** как один из потенциальных барьеров для развития новых технологий и роста глобальной торговли. В частности, налог на цифровые услуги в текущем виде **рассматривается США** как скрытый дискриминирующий тариф для американских ТНК (из-за высоких пороговых значений налогооблагаемой базы) – так как он практически не затронет европейские компании.

II. Насколько объективно USTR оценивает торговые барьеры в России?

30 марта 2019 г. USTR² выпустило очередной обзор торговых барьеров для американских компаний на рынках зарубежных стран (**National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers**). В то время как основные данные собирают официальные ведомства США, в отчете также используется информация, поступающая со стороны общественности, в основном, американские компании, работающие на внешних рынках, через соответствующий **портал**, что создает несколько одностороннее видение общей картины

Цель доклада – повысить осведомленность заинтересованных лиц о имеющихся барьерах на рынках, а также подготовить обоснование для возможных торговых переговоров. В докладе рассмотрено регулирование в 61 стране, а также на территории ЕС, Лиги арабских государств, в Тайване, Гонконге. Несмотря на то, что Россия не является крупнейшим торговым партнером США, регулированию торговли в России уделяется пристальное внимание.

Согласно данным U.S. Census Bureau, в 2018 г. удельный вес Российской Федерации в обороте внешней торговли товарами США составил всего 0,65%, в том числе в товарном экспорте – 0,40%, в товарном импорте – 0,82%. В списке основных торговых партнеров США Россия занимала 28 место по объему товарооборота, 36 место по объему экспорта и 23 место по объему импорта товаров.

Какие барьеры, с точки зрения доклада USTR, – ключевые для иностранных компаний на рынке России?

В отношении многих мер торговой политики России США высказывают претензии не в первый раз. Подавляющее большинство мер, рассмотренных в данном обзоре, были отражены в **докладе USTR** за 2018 г. Однако лишь по одному из перечисляемых вопросов США инициировали против России спор в рамках системы ВТО³, что может говорить о том, что по большинству претензий, зафиксированных в докладе USTR, либо отсутствует весомая аргументация, либо Россия не нарушает нормы ВТО, либо нарушение столь незначительно, что издержки на реализацию спора могут превысить выгоды от отмены ограничения и/или введения ответных мер.

² USTR – Торговое представительство США (Office of the United States Trade Representative).

³ Речь идет о **DS566**, в рамках которого рассматриваются ограничительные меры России в отношении определенной продукции из США в ответ на повышение последними ввозных таможенных пошлин на сталь и алюминий.

Особое внимание авторы доклада уделяют российским программам субсидирования. В частности, аналитики USTR утверждают, что меры, закрепленные в [Постановлении Правительства РФ](#) от 20 декабря 2017 г. № 1595 “Об утверждении Правил предоставления в 2017 и 2018 годах субсидий из федерального бюджета открытому акционерному обществу «Российские железные дороги»”, могут косвенно стимулировать экспорт. По оценкам USTR, рассматриваемые меры оказали стимулирующее воздействие на экспорт 1,5 млн тонн зерна⁴. Тем не менее, в соответствии с [заявлениями](#) официальных лиц России, данные меры не являются поддержкой, связанной с экспортом сельскохозяйственной продукции и нацелены на преодоление разрыва между спросом и предложением на внутреннем рынке зерна.

Массу вопросов у экспертов из USTR вызывают программы России по импортозамещению, реализуемые в рамках осуществления государственных закупок и касающиеся широкого спектра секторов, в том числе фармацевтики и медицинского оборудования, энергетики, ИТ. В дополнение отметим, что в апреле 2019 г. был [введен](#) в эксплуатацию реестр программ для электронных вычислительных машин и баз данных государств-членов ЕАЭС. Включение в реестр обеспечивает компаниям из ЕАЭС равные условия доступа к рынку госзакупок в сравнении с российскими поставщиками. При этом в отношении поставщиков из третьих стран условия доступа будут дискриминационными⁵.

Отдельное внимание в докладе уделено вопросам координации торговой политики России с партнерами по ЕАЭС в соответствии с обязательствами в рамках Договора о ЕАЭС. Доклад USTR определяет ЕАЭС как «таможенный союз с ограничениями» и отмечает, что в ряде секторов и направлений регулирования сохраняются национальные компетенции государств-членов. В частности, авторы доклада отмечают одностороннее повышение Россией ставок ввозных таможенных пошлин на 80 тарифных линий импорта из США, на сумму \$440 млн в качестве балансирующей меры в ответ на ограничения США на сталь и алюминий⁶.

Выявленные в рамках доклада USTR препятствия можно разделить на три категории: вопросы, связанные с прозрачностью регулирования, меры, обоснованные интересами безопасности, а также барьеры, вызванные недостаточным институциональным потенциалом российской системы (см. таблицу ниже).

Примеры барьеров для иностранных компаний на российском рынке

Группа мер	Примеры ограничений	Дополнительные комментарии
Недостаточная прозрачность регулирования	USTR утверждает, что Россия не полностью выполнила свои обязательства по Соглашению об упрощении процедур торговли ВТО по нотификациям в части транспарентности (Section I), а, кроме того, России еще предстоит внести нотификации в части оказания поддержки развивающимся и наименее развитым странам (Section II).	По данным ВТО на 1 марта 2019 г. Россия выполнила все свои обязательства в части обеспечения транспарентности. Что касается договоренностей по оказанию помощи менее развитым странам, на конец апреля 2019г. подобные нотификации внесли только 14 (из 44) развитых стран и ЕС (Россия данные нотификации не направляла).
	Эксперты USTR утверждают, что Россия не внесла необходимые нотификации в части технического регулирования, касающиеся, в том числе, требований к регистрации алкогольной продукции, поправок к требованиям ЕАЭС в отношении маркировки пищевых продуктов.	В соответствии с данными ВТО, Россия внесла нотификацию в отношении пищевой продукции 8 февраля 2019 г., что касается алкогольной продукции, последняя нотификация России по данной товарной группе относится к 2012 г.
Меры, инициированные с целью защиты безопасности	В докладе USTR отмечаются жесткие требования России в части санитарного и фитосанитарного регулирования, что привело, в частности, к ограничениям на ввоз определенной продукции из США. USTR отмечает ограничения на ввоз мясной продукции в связи с наличием остатков тетрациклина в говядине и свинине. С точки зрения США, российские требования более жесткие, нежели максимально допустимые уровни содержания в пищевых продуктах (МДУ), при этом, с точки зрения США, Россия не предоставила соответствующего научного	В соответствии с нормами соглашения ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам, Россия как член ВТО сохранила за собой право на установление более жестких требований по сравнению с международными, при условии наличия научного обоснования. Члены Рабочей группы по присоединению России к ВТО полагали , что более жесткие меры по остаточному содержанию антибиотиков были приняты без достаточного научного обоснования. Дискуссии по данному вопросу долгое время продолжались. Однако в соответствии с Ре-

⁴ В 2015 г. в рамках Министерской конференции ВТО в Найроби было принято [решение](#) об отмене экспортных субсидий в АПК.

⁵ Однако на текущий момент Россия не взяла на себя в рамках ВТО обязательства по расширению доступа на рынок госзакупок. Подобные договоренности закреплены в Соглашении по государственным закупкам плурилатерального характера. С 2016 г. Россия, в соответствии со своими обязательствами при присоединении к ВТО, ведет переговоры о присоединении к данному соглашению.

⁶ В соответствии со [Ст. 40 Договора о ЕАЭС](#), член ЕАЭС имеет право на введение односторонних мер в случаях, предусмотренных международными договорами государств-членов с третьими сторонами, заключенными до 1 января 2015 г. Подробнее об участии России в торговых войнах читайте в [Мониторинге № 17](#).

	обоснования оценки рисков.	шением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 13 февраля 2018 г. N 28, вступившего в силу в августе 2018 г., уполномоченные органы государств-членов Союза смогут применять меры ограничительного характера в отношении переработанной пищевой продукции животного происхождения только в том случае, если антибиотики выявлены в количествах, превышающих допустимые уровни, указанные в перечне, и только при использовании методов исследований, вошедших в перечень. По информации ЕЭК, данное Решение направлено на урегулирование указанной выше проблемы.
	Большое внимание в докладе уделяется требованиям по локализации персональных данных российских граждан, а также требования по хранению информации пользователей в соответствии с «Законом Яровой». С точки зрения авторов доклада, вводимые меры повысят издержки компаний, предоставляющих услуги, а также сузят круг предлагаемых услуг для российских потребителей.	Пока оценок влияния мер в отношении данных на торговлю услугами не так много. Рассматриваемые вопросы находятся на этапе обсуждения как в научных кругах, так и среди политиков. Тем не менее, многие эксперты сходятся во мнении в необходимости адекватной защиты персональной информации, ключевой вопрос – какой метод является наиболее эффективным и наименее ограничительным.
Барьеры, вызванные недостаточным институциональным потенциалом	Эксперты США утверждают, что на сегодняшний день Россия испытывает трудности в переходе на стандарты GMP (good manufacturing practice) в связи с недостаточным количеством инспекторов, что может привести к росту издержек производителей фармацевтической продукции в связи с задержками инспекции. Кроме того, ряд респондентов отмечает возможное повышение расценок на инспекционные сборы для зарубежных производителей.	Первые проверки иностранных производителей лекарственных средств начались в апреле 2016 г. По информации Ассоциации международных фармацевтических производителей, недостаточное количество инспекторов могло стать причиной исчезновения иностранных лекарственных средств с российского рынка. Однако, по данным на конец апреля 2019 г., иностранным производителям уже было выдано 1115 заключений, при этом количество отказов составило 485. По словам заместителя руководителя государственного GMP-инспектората В. Шестакова, общая численность инспектората сегодня – 65 человек, средняя длительность инспекции – 3–5 дней.

Источник: составлено авторами, на основе доклада USTR “National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers”.

USTR выделяет некоторые меры российской торговой политики как дискриминационные с точки зрения национального режима, тем не менее, в ряде случаев факт дискриминации не столь очевиден. В частности, к таковым USTR относит меры, закрепленные в Постановлении Правительства РФ от 14 октября 2010 г. N 829 г “О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях”. Представителей США беспокоит, что, несмотря на то, что сборы взимаются как с национальных, так и иностранных производителей оборудования и материальных носителей, перечень товаров и способ выплат отличается, что ставит импортеров в неравное положение с производителями из России. Однако, в соответствии с текстом постановления, в то время как перечни товаров для отечественных и иностранных производителей, действительно, отличаются, порядок предоставления отчета в целом аналогичен – изготовитель или импортер оборудования должен направить соответствующую информацию в адрес аккредитованной организации (Российский союз правообладателей). В случае иностранной продукции, Федеральная таможенная служба также должна направлять сведения об импортерах и объемах поставок.

Кроме того, авторы доклада считают дискриминационными меры в отношении порядка регистрации/перерегистрации отпускных цен на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты (ЖНВЛП). Данные цены рассчитываются производителями лекарственных средств на основе методологии, утверждённой Правительством РФ, а затем регистрируются в Минздраве в соответствии с ФЗ “Об обращении лекарственных средств”. Не чаще одного раза в год производитель вправе запросить у Минздрава перерегистрацию цены. Это происходит в соответствии с утвержденными Постановлением Правительства РФ от 29 октября 2010 № 865 правилами государственной регистрации и перерегистрации предельных отпускных цен на ЖНВЛП. Данные правила выделяют компании государств-членов ЕАЭС и иностранных производителей, однако запросить перерегистрацию вправе и те, и другие. Для иностранных и отечественных производителей учитываются разные обстоятельства и требуются различные пакеты документов, однако с формальной точки

зрения, дискриминации иностранных производителей в плане доступа к перерегистрации цены в пользу увеличения не происходит.

В целом, несмотря на серьезные заявления экспертов USTR об ограничительном и необоснованном характере регулирования торговли в России, во многих случаях может иметь место и альтернативная интерпретация тех или иных мер российской торговой политики. Безусловно, правомерность применения той или иной меры, или, наоборот, предъявляемой претензии зависит от соответствующей аргументации, представляемой заинтересованной стороной. Однако, в ряде случаев, зафиксированные USTR барьеры воспринимаются Россией как меры, имеющие под собой существенное обоснование (в том числе, с точки зрения безопасности). В ряде случаев, даже с учетом наличия барьера в торговле, по сути, вводимые меры не нарушают имеющиеся у России обязательства в рамках ВТО, либо факт нарушения норм ВТО можно поставить под сомнение – это подтверждается отсутствием до недавнего времени споров между Россией и США в рамках ВТО.

III. Поправки к Директиве ЕС по газовому рынку и Северный поток-2

Суть поправок к Директиве ЕС по газовому рынку заключается в том, что под действие европейского законодательства теперь попадают все трансграничные газопроводы из третьих стран, а оператором такого газопровода должна стать независимая компания. В настоящее время оператором Северного потока-2 (СП-2) является Nord Stream 2 AG, которая принадлежит Газпрому на 51%. Проблема анбандлинга может быть решена путем создания отдельной компании, которой будет принадлежать часть газопровода в территориальных водах Германии. В этом случае остальная часть СП-2 останется вне юрисдикции ЕС. Кроме того, половина мощности газопровода должна быть зарезервирована для независимых поставщиков.

Тем не менее, Германия настояла, чтобы решение о применении этих норм к какому-либо проекту принимала страна, на территории которой выходит трубопровод, после консультаций с Еврокомиссией. Учитывая заинтересованность Германии в строительстве газопровода, эти поправки хоть несколько ужесточают требования к СП-2, но не должны помешать строительству и ограничить мощность газопровода для Газпрома. Однако внесенные поправки всё же могут создать **проблемы и неопределенность** для инвесторов, связанную, в частности, со сроками окупаемости проекта СП-2. Все технические процедуры ЕС планирует провести до конца 2019 г., а именно, до запуска СП-2.

По данным ИТС, в 2018 г. больше всего российского газа (2711 ТН ВЭД) импортировали Италия (\$7,4 млрд), Венгрия (\$2,6 млрд) и Словакия (\$1,2 млрд). Совокупный стоимостной объем экспорта газа в ЕС составил \$17,5 млрд. При этом в наибольшей степени зависимы от российского газа Эстония (93,4% составляет импорт из России в совокупном импорте газа из всех стран), Латвия (91,7%) и Болгария (83,9%). Поэтому традиционно против СП-2 выступают страны Прибалтики, Польша, Украина, которая боится потерять транзит российского газа, и США, планирующие продавать ЕС свой сжиженный природный газ.

По мнению Газпрома, **потребность газа в ЕС** вырастет – к 2025 г. на 19%, к 2030 г. на 25%. По прогнозам ИНЭИ РАН, **пик потребления газа** в Европе достигнет 508 терм в 2025 г. (см. рисунок справа), и несмотря на попытки США захватить европейский рынок за счет поставок сжиженного газа, Россия к 2035 г. станет ведущим поставщиком газа на европейском рынке. Однако МЭА прогнозирует **снижение** уже к 2023 г. потребления газа в Европе на 11,4 терм.

IV. Число дискриминационных мер в международной торговле в 2017–2018 гг. выросло

Усиление протекционизма – тенденция, которая укрепляется в международной торговле уже более десяти лет. Мониторинг действующих и вновь вводимых мер, оказывающих влияние на региональные и глобальные потоки товаров и услуг, а также международное движение капитала и миграцию рабочей силы, стал объектом пристального внимания ключевых международных организаций, таких как ВТО, ОЭСР, ЮНКТАД. Они по-

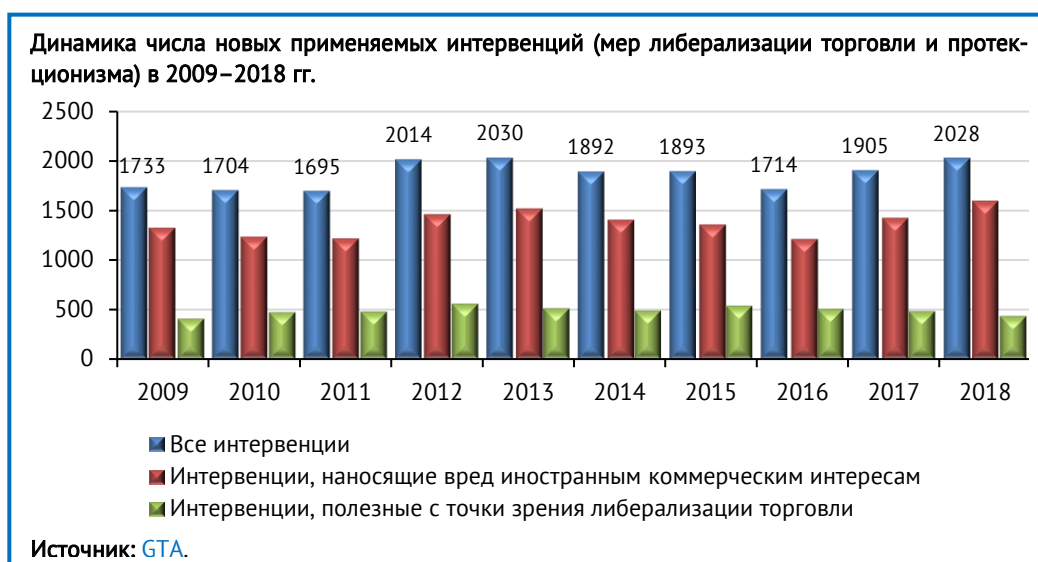
разному интерпретируют протекционистские меры и, как следствие, по-разному оценивают текущие тенденции развития глобального протекционизма.

В 2008 г. ВТО стала первой организацией, внедрившей официальный механизм мониторинга, позволяющий получить современную картину тенденций в области мер по регулированию международной торговли. Меры, включенные в Базу данных ВТО по мониторингу торговли ([WTO Trade Monitoring](#)), представляют собой преимущественно ограничивающие торговлю пограничные меры, в то время как информация о внутренних мерах (субсидии и т.д.) не доступна и в основном ограничивается некоторыми дискриминационными требованиями к местному содержанию, государственными закупками и связанным с торговлей финансовым стимулированием.

[Global Trade Alert \(GTA\)](#) – система мониторинга принимаемых странами мира протекционистских и антипротекционистских мер, который проводят независимые эксперты под эгидой лондонского Центра исследований экономической политики (CEPR). Если в круг анализа ВТО попадают только торговые ограничения, то GTA относит к протекционизму любые меры политики, которые в той или иной степени формируют более благоприятные условия для деятельности национальных компаний по сравнению с иностранными компаниями.

GTA фиксирует вмешательства со стороны государства (интервенции), классифицируемые как:

- «зеленые»: меры, полезные с точки зрения либерализации торговли⁷;
- «красные»: оказывающие дискриминационное воздействие в отношении иностранных интересов (торговли товарами и услугами, инвестиций и миграции рабочей силы);
- «янтарные»: меры, которые 1) уже осуществлены, являются дискриминационными в отношении интересов иностранных партнеров, но доказательная база по которым не может быть подтверждена официальными документами и 2) были заявлены или находятся на рассмотрении, но в случае их реализации почти наверняка будут наносить ущерб иностранным коммерческим интересам.

По данным GTA, за период с ноября 2008 г. по март 2019 г. реализовано 12885 «красных» мер, 4697 «зеленых» мер и 787 «янтарных» мер. Максимальное число ежегодно вводимых интервенций было зафиксировано в 2013 г. (2030); после некоторого снижения – до 1714 мер в 2016 г. – значение данного индикатора вновь начало расти, и достигло 2028 в 2018 г., приблизившись к рекордной отметке. Увеличение показателя было обусловлено ростом числа вмешательств, дискриминационных в отношении иностранных экономических интересов.

Среди стран мира лидирующие позиции по количеству интервенций, полезных с точки зрения либерализации торговли, занимают Бразилия (510 введенных «зеленых» мер), Индия (372), Китай (303), Россия (274), США (268), Аргентина (238), Индонезия (207), Казахстан (192), Беларусь (184) и ЮАР (154). На первом месте по числу интервенций, наносящих вред иностранным коммерческим интересам, находится США (1729 мер), далее следуют Германия (1266), Индия (932) и Россия (726). В Канаде было применено 700 «красных» мер, в Аргентине – 698, в Бразилии – 670, в Японии – 515, в Великобритании – 480, в Китае – 478.

⁷ К «зеленым» интервенциям относятся меры, направленные на либерализацию условий экономических сделок на недискриминационной основе (РНБ), или связанные с улучшением транспарентной торговой политики.

Страны-лидеры по числу применяемых интервенций – мер либерализации торговли и протекционизма

Страна	Количество интервенций, полезных с точки зрения либерализации торговли	Страна	Количество интервенций, наносящих вред иностранным коммерческим интересам
Бразилия	510	США	1729
Индия	372	Германия	1266
Китай	303	Индия	932
Россия	274	Россия	726
США	268	Канада	700
Аргентина	238	Аргентина	698
Индонезия	207	Бразилия	670
Казахстан	192	Япония	515
Беларусь	184	Великобритания	480
ЮАР	154	Китай	478

Примечание: данные в целом за период с ноября 2008 г. по март 2019 г.

Источник: [ГТА](#).

Выпуск подготовлен совместно Всероссийской академией внешней торговли и Российским центром исследований АТЭС: Алиев Т.М., Гущин Е.С., Исмагилова О.Д., Кнобель А.Ю., Латыпова Ю.Р., Лощенкова А.Н., Флегонтова Т.А.